

Э. ЛОКХАРТ

18+

НАСТОЯЩАЯ ЛОЖЬ

Э. Локхарт — одна из самых выдающихся писательниц нашего времени...

ДЖОН ГРИН,
автор бестселлера
«ВИНОВАТЫ ЗВЕЗДЫ»

#YoungThriller

Эмили Локхарт
Настоящая ложь

«АСТ»

2017

УДК 821.111-37(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

Локхарт Э.

Настоящая ложь / Э. Локхарт — «АСТ»,
2017 — (#YoungThriller)

ISBN 978-5-17-104758-0

Богатая наследница и прилипала подружка. Дьявольское очарование. Американская мечта. Исчезновение. Любовная история, и не одна. Убийство? Тоже несколько. Новый роман-саспенс от автора книги «Мы были Лжецами», которая 50 недель занимала первые места в списке бестселлеров The New York Times. «Э. Локхарт – одна из самых выдающихся писательниц нашего времени». Джон Грин, автор бестселлера «Виноваты звезды».

УДК 821.111-37(73)
ББК 84 (7 Сое) 44

ISBN 978-5-17-104758-0

© Локхарт Э., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Э. Локхарт

Настоящая ложь

E. Lockhart
Genuine Fraud

Copyright © 2017 by E. Lockhart
© И. Литвинова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается ТК

18

Третья неделя июня 2017 года
Кабо-Сан-Лукас, Мексика¹

Отель был чертовски хорош.

Мини-бар в номере Джул был забит пакетиками картофельных чипсов и шоколадными батончиками четырех видов. В ванной комнате стояла джакузи, а запаса пушистых полотенец и жидкого мыла с ароматом гардении хватило бы, наверное, лет на сто. В холле ежедневно в четыре часа пожилой пианист исполнял на рояле мелодии Гершвина. Спа-центр предлагал процедуры по уходу за телом с использованием горячей глины, если, конечно, вас не коробило от прикосновения чужих рук. После этого Джул целый день преследовал навязчивый запах хлорки, словно ввевшийся в кожу.

В интерьере отеля «Плайя Гранде Резорт» в Бахе² доминировал белый цвет: белые шторы, белая плитка, белые ковры, пышные букеты белоснежных цветов. Сотрудники носили белую униформу из хлопка, что придавало им сходство с медиками. Вот уже почти четыре недели восемнадцатилетняя Джул жила в этом отеле одна.

В то утро она потела на беговой дорожке в тренажерном зале «Плайя Гранде», отмеряя километры дизайнерскими кроссовками цвета морской волны с темно-синими шнурками. В этот раз она даже не слушала музыку. Интервальный бег продолжался уже около часа, когда соседнюю дорожку заняла женщина.

На вид – моложе тридцати. Черные волосы собраны в тугий хвост и залиты лаком. Крупные руки, крепкое тело, на смуглых щеках виднелись следы сухих румян. Кроссовки, стоптанные на пятках, были испачканы старой засохшей грязью.

В тренажерном зале они были одни.

Джул перешла на ходьбу, еще минута, и она уходит. Во-первых, Джул предпочитала уединение, а во-вторых – в любом случае сегодня она потрудилась на славу.

¹ Город в Мексике, один из популярных морских курортов.

² Баха (исп. Baja) – Нижняя Калифорния – штат Мексики. В результате Мексиканской войны 1846–1847 годов. Верхняя Калифорния отошла к США, а Нижняя – осталась в составе Мексики, для краткости ее часто именуют просто Баха.

– Тренируешься? – спросила женщина и кивнула на дисплей тренажера Джул. – Готовишься к марафону или так просто? – В ее американском произношении слышался мексиканский акцент. Наверное, выросла в Нью-Йорке, но в испаноязычной общине.

– Я занималась бегом в средней школе. Вот и все. – Джул говорила отрывисто и четко, такую манеру речи британцы называют «Би-би-си инглиш»³.

Женщина устремила на нее проницательный взгляд.

– Мне нравится твой акцент, – сказала она. – Откуда ты родом?

– Лондон. Сент-Джонс-Вуд⁴.

– Нью-Йорк. – Женщина ткнула себя пальцем в грудь.

Джул сошла с беговой дорожки и занялась растяжкой квадрицепсов⁵.

– Я здесь одна, – заговорила снова женщина. – Приехала вчера вечером. Забронировала этот отель в последнюю минуту. А ты давно здесь?

– В таких местах, как это, всегда будет мало, – сказала Джул.

– И что бы ты порекомендовала? В «Плайя Гранде»?

Джул нечасто общалась с другими постояльцами, но не видела ничего плохого в том, чтобы ответить.

– Можно съездить на снорклинг⁶, – посоветовала она. – Я видела гигантскую кровожадную мурену.

– Не шутишь? Что, правда мурену?

– Наш гид приманил ее рыбьими потрохами, которые притащил в пластиковом бидоне. Мурена выползла из расселины в скалах. Метра два с половиной в длину, не меньше. Ярко-зеленая.

Женщина поежилась.

– Не люблю мурен.

– Ну, тогда забей на снорклинг. Если тебя так легко напугать.

Женщина рассмеялась.

– А как тут с едой? Я здесь еще ничего не ела.

– Попробуй шоколадный торт.

– На завтрак?

– О, да. Если попросить, принесут как спецзаказ.

– Спасибо за наводку. Ты путешествуешь одна?

– Послушай, мне пора в душ, – сказала Джул, чувствуя, что разговор становится очень личным. – Пока!

И девушка направилась к двери.

– У меня отец тяжело болен, – бросила женщина. – Я давно ухаживаю за ним.

Укол сочувствия. Остановившись, Джул обернулась.

– Каждое утро и каждый вечер после работы я провожу с ним, – продолжала женщина. – Сейчас он наконец-то стабилен, и мне так захотелось куда-нибудь сбежать, что я уже не задумывалась о ценах. Я здесь проматываю кучу денег, что для меня непозволительная роскошь.

– А чем болен твой отец?

³ BBC English (*англ.*) – язык дикторов Би-би-си, безукоризненно правильный английский язык.

⁴ Исторический район Лондона, часть административного округа Вестминстер.

⁵ Квадрицепс – четырехглавая мышца бедра, состоит из четырех головок, которые располагаются на передней поверхности бедра.

⁶ Вид плавания под поверхностью воды с маской и дыхательной трубкой и обычно с ластами.

– РС, – ответила женщина. – Рассеянный склероз. И старческое слабоумие. Он всегда был главой нашей семьи. Настоящий мачо. Такой сильный. А теперь это овощ, да еще лежащий. Он даже не знает, где находится. Иногда принимает меня за официантку.

– Черт.

– Я боюсь его потерять и в то же время находиться рядом с ним невыносимо. Но, когда он умрет и я останусь совсем одна, мне будет бесконечно стыдно за эту поездку, за то, что я его бросила, понимаешь? – Женщина остановилась и, поставив ноги на рейки по бокам беговой дорожки, вытерла глаза тыльной стороной ладони. – Извини. Слишком много информации.

– Все нормально.

– Ладно, иди. В душ или куда там еще. Может, потом увидимся.

Женщина закатала рукава рубашки и повернулась к дисплею тренажера. Вдоль ее правого предплечья тянулся шрам – рваный, как от ножа, а не ровный, как после операции. За ним явно скрывалась какая-то история.

– Слушай, а ты любишь викторины? – неожиданно для самой себя спросила Джул.

Улыбка. Белые, но кривые зубы.

– На самом деле я дока в этом деле.

– Их устраивают через день, по вечерам, в лаунж-баре внизу, – уточнила Джул. – Правда, хрень полная. Хочешь пойти?

– И что за хрень?

– Да ничего так. Глупая и шумная.

– Ладно. Я согласна.

– Хорошо, – сказала Джул. – Мы всех там сделаем. Ты не пожалеешь, что взяла отпуск. Я сильна в супергероях, фильмах про шпионов, ютуберах, фитнесе, финансах, макияже и викторианских писателях. А ты?

– Викторианские писатели? Вроде Диккенса?

– Да. Впрочем, неважно. – Джул почувствовала, как вспыхнули щеки. Ей вдруг показался странным такой набор увлечений.

– Я люблю Диккенса.

– Иди ты.

– Серьезно. – Женщина снова улыбнулась. – Я рублю в Диккенсе, кулинарии, текущих событиях, политике... ну, что там еще... да, и в кошках.

– Тогда заметано, – сказала Джул. – Начало в восемь вечера, в лаунже рядом с главным холлом. Увидишь там, бар с диванами.

– В восемь. Идет. – Женщина подошла к ней и протянула руку. – Напомни, как тебя зовут? Я – Ноа.

Джул пожала ей руку.

– Я не называла тебе свое имя, – сказала она. – Но меня зовут Имоджен.

Джул Уэст Уильямс обладала довольно миловидной внешностью. Никто и никогда не называл ее *уродкой*, но и в *красотках* она не числилась. Ростом не вышла – всего-то метр пятьдесят пять, – да и держалась дерзко. Рваная стрижка делала ее похожей на девчонку-сорванца, и в мелированных прядях темнели отросшие корни. Зеленые глаза выделялись на белой, усыпанной светлыми веснушками коже. Одежда обычно скрывала ее крепкое телосложение. Природа наградила Джул рельефными мышцами, которые выпирали дугами, особенно на ногах, делая ее похожей на персонажа комиксов. Твердая стена брюшных мышц скрывалась под слоем жира. Джул не отказывала себе в мясе, соли, шоколаде и жирной пище.

Она верила: чем больше потеешь в спортзале, тем меньше крови теряешь в бою.

Она верила: лучший способ избежать разбитого сердца – это притвориться, будто у тебя его нет.

Она верила: то, *как* ты говоришь, зачастую важнее, чем все, что ты пытаешься сказать.

А еще она верила в боевики, силовые упражнения, эффект макияжа, заучивание наизусть, равноправие и в то, что видеоролики на *YouTube* могут научить тому, чему не научат и в колледже.

Если бы вы заслужили ее доверие, Джул рассказала бы, что целый год проучилась в Стэнфорде, получив спортивную стипендию в легкой атлетике.

– Меня рекрутировали в университетскую команду, – объясняла она тем, кто вызывал у нее симпатию. – Стэнфорд – это первый дивизион. Университет дал мне деньги на обучение, книги и все такое.

Почему же не сложилось?

Джул пожала бы плечами.

– Я хотела изучать литературу викторианской эпохи и социологию, но главный тренер оказался извращенцем. Лапал всех девчонок. Когда он подкатил ко мне, я заехала ему куда надо и рассказала о его выходках всем, кто хотел меня слушать. Преподавателям, студентам, редакции «Стэнфорд дейли»⁷. Я докричалась до самой верхушки чертовой башни из слоновой кости⁸, но вы знаете, что бывает со спортсменами, которые плетут небылицы о своих тренерах.

Потом она сцепила бы пальцы и опустила глаза.

– Другие девчонки из команды все отрицали. Сказали, что я вру и что извращенец никогда никого не трогал. Они не хотели, чтобы об этом узнали их родители, и боялись потерять свои стипендии. Конец истории. Тренера не уволили. Я ушла из команды. И лишилась финансовой поддержки. Короче, вылетела из студентов-отличников.

После тренировки в спортзале Джул проплыла километра полтора в бассейне «Плайя Гранде» и остаток утра провела, как обычно, в бизнес-лаундже, где смотрела учебные видеофильмы по испанскому языку. Она не переделась, только сунула ноги в кроссовки цвета морской волны. Губы подкрасила ярко-розовой помадой, а глаза – серебристой подводкой. В целом купальнике цвета вороненой стали, с чашечками на косточках и глубоким вырезом, девушка смотрелась как персонаж Вселенной Марвел⁹.

В лаундже работал кондиционер. Но сюда никогда никто не заглядывал, поэтому Джул задрала ноги на стол и, надев наушники, потягивала диетическую колу.

После двухчасового урока испанского она сжевала «Сникерс» и посмотрела несколько клипов. Получив заряд бодрости, девушка танцевала, подпевая известным певцам, выступая перед рядами вращающихся кресел в пустом зале. Сегодня Джул находила жизнь чертовски великолепной. Ей понравилась та печальная женщина, что сбежала от своего больного отца, женщина с загадочным шрамом и удивительным литературным вкусом.

Она не сомневалась, что вдвоем они порвут всех на викторине.

Джул выпила еще одну диетическую колу. Потом поправила макияж и оценила свое отражение в окне. Она не сдержалась и рассмеялась, потому что выглядела смешно и вместе с тем сногшибательно. Все это время стук сердца отдавался у нее в ушах.

⁷ Stanford Daily – университетская газета Стэнфорда.

⁸ Башня из слоновой кости – метафорическое выражение, означающее жизнь в нереальном, выдуманном мире. Негативное значение оборот о башне приобрел в США, где был связан с резкой критикой университетов, их замкнутой и снобистской профессорско-преподавательской элиты.

⁹ Вселенная Марвел – вымышленный мир, где происходит большинство историй, издаваемых Marvel Comics.

Бармен у бассейна, Донован, был из местных. Милый здоровяк с прилизанными волосами. Подмигивал клиентам. Он говорил по-английски с акцентом, характерным для Бахи, и знал, какой у Джул любимый напиток: диетическая кола с каплей ванильного сиропа.

Иногда, когда Джул коротала время в баре, Донован расспрашивал ее о жизни в Лондоне. Джул практиковалась в испанском. Болтая, они вместе смотрели фильмы на экране, что висел над барной стойкой.

В тот день, в три часа, Джул сидела на табурете в углу бара, все в том же купальнике. На Доноване поверх футболки был надет белый фирменный блейзер «Плайя Гранде». Бритый загривок покрылся щетиной отрастающих волос.

– Что за фильм? – спросила она, поднимая взгляд на экран.

– «Халк»¹⁰.

– Какой именно?

– Не знаю.

– Ты же ставил диск. И не знаешь?

– Я даже не в курсе, что есть два Халка.

– На самом деле их три. Хотя нет, беру свои слова обратно. Халков полно. Если считать телесериалы, мультики и все такое.

– Я не знаю, какой это Халк, мисс Уильямс.

Пока шел фильм, Донован сполоснул стаканы и протер прилавок. Он приготовил виски с содовой для женщины, и она, взяв свой стакан, устремила в дальний конец зоны отдыха у бассейна.

– Это второй лучший Халк, – сказала Джул, когда снова завладела его вниманием. – Кстати, как по-испански «скотч»?

– Escocés.

– Escocés. И какой лучше выбрать?

– Вы же не пьете.

– Ну, а если бы пила?

– Maker's Mark. – Донован кивнул. – Хотите попробовать?

Он наполнил пять стопок высококлассным виски разных марок. После чего подробно рассказал о том, что есть скотч, и что – виски, объяснил, чем один сорт лучше другого. Джул пригубила из каждой стопки, но допивать не стала.

– Этот пахнет словно потом из подмышек, – определила она.

– Ну вы даете!

– А этот воняет, как жидкость для розжига.

Донован наклонился над стопкой и принялся.

– Возможно.

Девушка указала на третий сорт.

– Как будто собака нассала, причем очень злая собака.

Донован рассмеялся.

– А остальные чем пахнут? – спросил он.

– Засохшей кровью, – ответила Джул. – И еще порошком для чистки ванн. Чистящим средством.

– Так какой вам больше всего понравился?

– Засохшая кровь, – ответила девушка, макнув палец в виски и снова пробуя его на вкус. – Скажи, как это называется.

¹⁰ «Халк» – фантастический боевик режиссера Энга Ли, снятый по одноименным комиксам Marvel Comics об ученом, который в приступе ярости может превращаться в зеленое чудовище.

– Это и есть Maker's Mark. – Донован опустошил стопки. – Кстати, забыл сказать: какая-то женщина недавно о вас спрашивала. Или, может, не о вас. Наверняка что-то перепутала.

– Что за женщина?

– Мексиканка. Говорит по-испански. Интересовалась юной белой американкой с короткими светлыми волосами, которая путешествует одна, – сообщил Донован. – Она еще упоминала о веснушках. – Он коснулся своего лица. – На носу.

– И что ты ей сказал?

– Сказал, что это большой курорт. Здесь много американцев. Я не знаю, кто путешествует один, а кто в компании.

– Я не американка, – заметила Джул.

– Я знаю. Поэтому и сказал ей, что не видел никого похожего.

– Так и сказал?

– Да.

– Но все-таки сразу подумал обо мне.

Бармен устремил на Джул долгий взгляд.

– Я действительно подумал о вас, – сказал он, наконец. – Я не дурак, мисс Уильямс.

Ноа знала, что Джул американка.

Из этого следовало, что Ноа – коп. Или что-то в этом роде. Иначе и быть не могло.

Своим трепом она заманила Джул в ловушку. Больной отец, Диккенс, близкое сиротство. Ноа знала точно, что сказать. Она ловко закинула наживку – «мой отец выжил из ума», – и Джул жадно ее заглотнула.

Джул почувствовала, как пылает лицо. Одинокая, слабая и просто чертовски глупая, она попала на удочку Ноа. Все эти байки были лишь уловкой, необходимой для того, чтобы Джул увидела в Ноа ту, кому можно довериться, а не противника.

Джул вернулась в свой номер, стараясь сохранять невозмутимый и расслабленный вид. Но едва за ней захлопнулась дверь, она бросилась к сейфу и выгребла все ценные вещи. Потом натянула джинсы с футболкой, сменила кроссовки на ботинки и набила вещами маленький чемодан – сколько смогла запихнуть. С остальными пришлось распрощаться. На кровати она оставила сто долларов чаевых для Глории, горничной, с которой иногда болтала. Девушка выкатила чемодан в коридор и припрятала его в углу, у автомата со льдом.

Вернувшись к бару у бассейна, Джул сказала Доновану, где стоит ее чемодан. Протянула ему двадцатидолларовую банкноту.

Попросила об услуге.

Добавив еще двадцатку, объяснила, что надо делать.

На служебной парковке Джул огляделась по сторонам и отыскала маленький голубой «седан» бармена. Машина была открыта. Девушка забралась в салон и легла на пол под задним сиденьем. На полу валялись пустые целлофановые пакеты и стаканчики из-под кофе.

Пришлось ждать целый час, пока Донован закончит свою смену в баре. Девушка надеялась, что ей повезет и Ноа ничего не заподозрит, а спохватится, лишь когда Джул порядком опоздает на викторину – возможно, около половины девятого. Тогда Ноа начнет шерстить списки пассажиров шаттлов до аэропорта и такси, прежде чем додумается проверить персонал гостиницы.

В машине было душно и жарко. Джул прислушивалась к звуку шагов.

Ломило плечо. Ужасно хотелось пить.

Но ведь Донован ей поможет, верно?

Обязательно. Он уже раз прикрыл ее. Сказал Ноа, что не знает никого похожего на ту американку. Он предупредил Джул, пообещал забрать чемодан и отвезти ее куда нужно. К тому же она ему заплатила.

И, самое главное, Донован и Джул были друзьями.

Джул вытянула одну ногу, потом другую, и распласталась под задним сиденьем.

Она вспомнила, что на ней надето, затем сняла серьги и нефритовое кольцо и запихнула их в карман джинсов. И постаралась успокоиться.

Наконец послышался характерный стук колесиков чемодана. Хлопнула крышка багажника. Донован уселся за руль, завел мотор и выехал с парковки. Джул продолжала лежать на полу. Дорогу освещали редкие уличные фонари. По радио звучала мексиканская поп-музыка.

– Куда вас отвезти? – спросил Донован спустя какое-то время.

– Куда-нибудь в город.

– Ну, тогда я еду домой. – В его голосе вдруг прорезались хищнические нотки.

Черт. Неужели она ошиблась, когда забралась в его машину? А что, если Донован – один из тех парней, которые думают, будто девушка, попросившая об услуге, обязательно должна расплатиться натурой?

– Высади меня по дороге к своему дому, – резко бросила она. – Я сама о себе позабочусь.

– Не говорите так, – сказал он. – Я делаю все, чтобы вам помочь.

Представьте себе: милый домик на окраине города в штате Алабама. Восьмилетняя Джул просыпается в ночной темноте. Кажется, она слышала шум?

Возможно, ей просто показалось. В доме тихо.

Одетая в тонкую розовую ночную рубашку девочка спускается вниз.

На первом этаже она вздрагивает от ужаса: в гостиной все перевернуто, повсюду разбросаны книги и бумаги. В кабинете картина еще страшнее. Карточечные шкафы опрокинуты. Компьютеры исчезли.

– Мама? Папа? – Малышка Джул бежит вверх, в спальню родителей.

Их кровати пусты.

Теперь она по-настоящему напугана. Она рывком открывает дверь в ванную. Родителей нет и здесь. Она выбегает из дома.

Двор окружен кольцом деревьев-великанов. Малышка Джул бредет по дорожке, когда вдруг до нее доходит, что она видит там, в круге света от уличного фонаря.

Мама и папа лежат на траве, лицом вниз. Тела скрюченные, обмякшие. Под ними чернеют лужи крови. Мама застрелена в голову. Должно быть, умерла мгновенно. Папа тоже мертв, но у него изранены только предплечья. Он истек кровью. Папа обнимает маму, как будто в свои последние минуты думал только о ней.

Джул бежит обратно в дом, чтобы позвонить в полицию. Телефонная линия отключена.

Девочка возвращается во двор, хочет прочитать молитву или хотя бы попрощаться – но тела родителей уже исчезли. Их забрал убийца.

Она не позволяет себе плакать. Остаток ночи Малышка Джул сидит в том самом островке света от уличного фонаря, и ее ночная рубашка пропитывается густеющей кровью.

Две недели Малышка Джул проводит одна в разоренном доме. Она старается быть сильной. Сама готовит себе еду, перебирает оставшиеся бумаги в поисках зацепок и улик. Читая документы, она мысленно воссоздает жизни, полные героизма, силы и секретов.

Однажды днем девочка забирается на чердак и просматривает старые фотографии, когда вдруг появляется женщина в черном.

Женщина делает шаг вперед, но Малышка Джул проворна. Резким быстрым движением она бросает в нее нож для вскрытия конвертов, но женщина ловит его левой рукой. Малышка Джул взбирается на кучу коробок, хватается за балку чердачного перекрытия и запрыгивает на нее. Потом бежит по балке и, протискиваясь сквозь узкое высокое окно, попадает на крышу. Паника все сильнее охватывает ее, сердце грохочет в груди.

Женщина бросается за девочкой. Джул спрыгивает с крыши на соседнее дерево и отламывает острую ветку, чтобы использовать ее как оружие. Спускаясь по стволу на землю, она сжимает ее в зубах. Потом пулей несется в кусты, но тут женщина стреляет ей в лодыжку.

Боль нестерпима. Малышка Джул уверена, что это убийца родителей, которая пришла, чтобы ее прикончить. Но женщина в черном помогает ей подняться и осматривает рану. Потом извлекает пулю и обрабатывает рану антисептиком.

Бинтуя ногу, женщина объясняет, что она – вербовщик и последние две недели наблюдает за Джул. По словам женщины, Джул – не только ребенок двух исключительно талантливых людей, но обладает выдающимся интеллектом, отличной физической подготовкой и ярко выраженным инстинктом выживания. Она хочет тренировать Джул и помочь ей отомстить убийце. Женщина в черном хорошо знала и любила родителей Джул. На самом деле, она оказывается кем-то вроде дальней родственницы, с которой редко общались. Она знает секреты, которые родители хранили в тайне от своей любимой единственной дочери.

Так начинается в высшей степени необычное образование. Джул попадает в специализированную академию, расположенную в отреставрированном особняке на одной из улиц Нью-Йорка. Она изучает технику скрытого наблюдения, тренируется выполнять всевозможные кульбиты, оттачивает методы снятия наручников и смирительных рубашек. Она носит кожаные штаны, и ее карманы набиты разными гаджетами. На уроках Джул изучает иностранные языки, обычаи разных народов, литературу, боевые искусства, обращение с оружием, искусство камуфляжа, имитацию акцентов, методы подделки документов и тонкости законодательства. Обучение длится десять лет. По его завершении Джул становится той, что способна на многое. Недооценивать ее – себе дороже.

Такова история происхождения Джул Уэст Уильямс. К моменту своего появления в «Плайя Гранде» Джул находила это самым интересным из того, что она могла бы рассказать о себе.

Донован остановил машину и открыл водительскую дверь. В салоне зажегся свет.

– Где мы? – спросила Джул. На улице было темно.

– В Сан-Хосе-дель-Кабо¹¹.

– Это здесь ты живешь?

– Неподалеку.

Джул почувствовала облегчение, но темнота за окном пугала. Разве тут не должно быть уличных фонарей, освещенных витрин магазинов и ресторанов для толп слоняющихся туристов?

– Кто-нибудь живет поблизости? – спросила она.

– Я припарковался в переулке, так что никто не увидит, как вы выходите из моей машины.

Джул выбралась наружу. Мышцы окаменели, а лицо как будто покрылось маслянистой пленкой. По обеим сторонам переулка выстроились мусорные баки. Свет проникал лишь из пары окон второго этажа.

– Спасибо, что подвез. Открой багажник, пожалуйста?

– Вы обещали заплатить мне сто американских долларов, когда я доведу вас до города.

¹¹ Сан-Хосе-дель-Кабо – город в Мексике, штат Южная Нижняя Калифорния.

– Конечно. – Джул вытащила из заднего кармана кошелек и расплатилась с парнем.

– Но теперь это стоит дороже, – добавил Донован.

– Что?

– Еще три сотни.

– Я думала, мы друзья.

Бармен шагнул к ней.

– Я подаю вам напитки, потому что это моя работа. Я делаю вид, будто мне нравится беседовать с вами, потому что это тоже моя работа. Думаете, я не вижу, что вы смотрите на меня свысока? Второй лучший Халк. Какой скотч лучше. Мы не друзья, мисс Уильямс. Вы мне врете через раз, а я врал вам постоянно.

Девушка уловила запах пролитого на рубашку ликера. Его дыхание обжигало ей лицо. Джул искренне верила, что Донован относится к ней с симпатией. Они обменивались шутками, он угощал ее бесплатными чипсами.

– Вау, – тихо произнесла она.

– Еще триста, – повторил он.

Кто он – мелкий жулик, пытающийся развести девчонку с кучей американских долларов? Или подонок, решивший, что она скорее отдастся ему, чем заплатит лишние три сотни? А может, его и вовсе подкупила Ноа?

Джул убрала кошелек обратно в карман. Она поправила ремень, так что сумка оказалась у нее на груди.

– Донован? – Она шагнула вперед, приблизилась к нему почти вплотную и посмотрела на него своими большими глазами.

Потом резко вскинула правую руку, отчего парень запрокинул голову, и нанесла ему удар в пах. Донован согнулся пополам. Джул схватила его за гладкие волосы и дернула его голову назад. Крутанув его вокруг себя, девушка заставила противника потерять равновесие.

Здоровяк ударил ее локтем в грудь. Это было больно, но Джул вовремя увернулась, так что со вторым ударом он промахнулся, и тогда она вцепилась в его локоть, заламывая руку Донована за спину. На ощупь конечность оказалась отвратительно мягкой. Удерживая его мертвой хваткой, Джул свободной рукой вырвала свои доллары из его жадных пальцев.

Засунув деньги в карман джинсов, девушка обыскала его боковые карманы в поисках телефона.

Пусто. Значит, в заднем.

Вытащив мобильник, она запихнула его в бюстгальтер, за неимением более подходящего места. Теперь бармен не мог позвонить Ноа и сообщить, где она находится, но у него еще оставались ключи от машины, которые он сжимал в левой руке.

Дернувшись, Донован заехал ей ногой в голень. Ребром ладони Джул ударила его в шею, и он, скорчившись от боли, согнулся пополам. Один сильный пинок – и Донован оказался на земле. Он попытался подняться, но Джул сорвала металлическую крышку с одного из мусорных баков и пару раз двинула ему по голове, так что парень рухнул на груды мусорных мешков. Кровь стекала по его лбу, заливая глаз.

Джул отступила назад, чтобы поверженный противник не смог до нее дотянуться. Она все еще держала в руках крышку.

– Брось ключи.

Донован застонал и, вытянув левую руку, швырнул ключи в сторону. Связка приземлилась в шаге от его тела.

Схватив ключи, Джул открыла багажник. Достала оттуда чемодан на колесиках и, прежде чем Донован смог подняться, припустила вниз по улице.

Подходя к главной улице Сан-Хосе-дель-Кабо, Джул замедлила шаг, выбросила ключи в мусорный бак и осмотрела свою одежду. Следов борьбы вроде нет. Неторопливо и спокойно она вытерла лицо рукой, на случай если на нем остались следы грязи, слюны или крови. Потом достала из сумки пудреницу и на ходу посмотрелась в зеркальце, заодно проверяя, не идет ли кто следом.

Никого.

Девушка подкрасила губы матовой розовой помадой, захлопнула пудреницу и еще больше замедлила шаг.

Она не хотела выглядеть запыхавшейся от бега.

В воздухе разливалось тепло, в барах гремела музыка. Возле питейных заведений толкались туристы – белые, черные, мексиканцы, все пьяные и шумные. Обычные толпы любителей недорогого отдыха. Джул выбросила телефон Донована в ближайшую урну и осмотрелась по сторонам в поисках такси или автобуса, но ничего не увидела.

Ладно, не беда.

Ей было необходимо укрыться где-то и переодеться, чтобы не попасть в лапы Донована. Она не сомневалась, что если он работает на Ноа, пустится за ней. Или если захочет отомстить.

А теперь представь себя в кадре. Ты идешь по улице, и тени порхают по твоей гладкой коже. Под одеждой скрываются набухающие чернотой синяки, но твои волосы выглядят роскошно. Ты вооружена хитроумными гаджетами, всякими высокотехнологичными штуковинами, которые творят чудеса и гарантируют внезапность нападения. Ты носишь при себе яды и противоядия.

Ты – главное действующее лицо в этой драме. Ты и никто другой. У тебя есть сказочная история твоего происхождения и необычного образования. Ты безжалостна, находчива, практически бесстрашна. За тобой тянется шлейф из трупов, потому что ты делаешь все, чтобы остаться в живых, – но это рабочие моменты, не более того.

Ты классно выглядишь в отблесках огней витрин и вывесок мексиканских баров. После драки твои щеки пышут румянцем. А одежда подчеркивает твои соблазнительные формы.

Да, это правда, что ты преступно жестока. Даже бесчеловечна. Но такова твоя работа, и ты – профи в своем деле, что делает тебя еще более сексуальной.

Джул насмотрелась боевиков. Она знала, что авторы подобных историй редко делают главными персонажами женщин. Которые служат исключительно для услаждения глаз, или рук, выступают в качестве жертв или объектов страсти. Их роль заключается в том, чтобы помогать доблестному гетеросексуальному рыцарю в его долбаном эпическом путешествии. Если все-таки *появлялась* женщина-воин, она была сублильной, обходилась минимумом одежды и сверкала белозубой улыбкой.

Джул знала, что она не похожа на тех женщин. И никогда не будет выглядеть как они. Но она ни в чем не уступала героям боевиков, а в чем-то даже превосходила их.

И это она тоже знала.

Девушка дошла до третьего по счету бара и нырнула внутрь. Его обстановку составляли столы для пикника, на стенах висели чучела рыб. Среди посетителей преобладали американцы, заглянувшие выпить и расслабиться после тяжелого дня спортивной рыбалки. Джул быстро проследовала в дальний угол, оглянулась и зашла в мужской туалет.

Пусто. Девушка юркнула в кабинку. Доновану бы и в голову никогда не пришло искать ее здесь.

Сиденье унитаза оказалось мокрым, в желтоватых пятнах. Джул порылась в чемодане и нашла черный парик – гладкое каре с челкой. Она натянула его, стерла губную помаду, нанесла темный блеск и припудрила нос. Поверх белой футболки надела черный кардиган на пуговицах.

В туалет зашел парень и встал возле писсуара. Джул замерла, втайне радуясь тому, что на ней джинсы и тяжелые черные ботинки. Из-под двери кабинки виднелась только подошва и колесики чемодана.

Зашел еще один парень и заперся в соседней кабинке. Она увидела его обувь.

Донован.

Джул узнала его грязные белые кроссовки «Крокс». И «больничные» брюки сотрудника «Плайя Гранде». Кровь застучала у нее в ушах.

Она тихонько оторвала от пола чемодан и держала его на весу, чтобы Донован ничего не заподозрил. И замерла.

Донован спустил воду в унитазе, и Джул расслышала, как он, шаркая ногами, подошел к умывальнику и включил воду.

Вошел еще парень.

– Можно воспользоваться твоим телефоном? – спросил Донован по-английски. – Всего один звонок.

– Тебя кто-то избил, старик? – Парень говорил с американским акцентом. Точнее, с калифорнийским. – Похоже, тебе крепко досталось.

– Я в порядке, – буркнул Донован. – Мне просто нужен телефон.

– Мой телефон не для звонков, только для эсэмэсок, – сказал парень. – Но мне пора к своим друзьям.

– Я не собираюсь его красть, – настаивал Донован. – Мне всего лишь нужно...

– Я сказал «нет», понял? Ну, бывай, чувак. – Парень вышел, так и не воспользовавшись туалетом.

Донован искал телефон, потому что остался без ключей от машины и хотел вызвать такси? Или он собирался звонить Ноа?

Бармен дышал тяжело, как раненый зверь. Воду он больше не включал.

Наконец он ушел.

Джул поставила чемодан на пол. Потрясла руками, разгоняя кровь, а потом размяла мышцы плеч. Девушка пересчитала имеющуюся наличность – как песо, так и доллары. Потом посмотрелась в зеркало пудреницы, проверяя парик.

Убедившись в том, что Донован ушел, Джул уверенной походкой вышла из мужского туалета – подумаясь, какое дело! – и направилась к дверям бара. На улице она пробилась сквозь толпы праздных гуляк, и тут ей улыбнулась удача. Подъехало такси. Девушка запрыгнула в машину и назвала таксисту курортный отель «Гранд Сольмар», по соседству с «Плайя Гранде».

В «Гранд Сольмар» она без труда взяла другое такси и попросила водителя отвезти ее в дешевую городскую гостиницу, которую держит кто-то из местных. Он привез ее в «Кабо Инн».

Это была та еще хибара. Стены в грязных разводах, облупившаяся краска, пластиковая мебель, искусственные цветы на стойке администратора. Джул зарегистрировалась под чужим именем и оплатила проживание в песо. Клерк даже не спросил документы.

Поднявшись в номер, Джул заварила себе в маленькой кофеварке немного кофе без кофеина. Положила в чашку три ложки сахара. И присела на край кровати.

Надо ли было бежать?

Нет.

Да.

Нет.

Никто не знал, где она находится. Ни одна живая душа. Это ли не счастье? В конце концов, она же хотела исчезнуть.

Но она чувствовала себя напуганной.

Ей не хватало Паоло. Не хватало Имоджен.

Она бы хотела отменить все то, что произошло.

Если бы только она могла вернуться в прошлое! Джул верила, что стала бы лучше. Во всяком случае, стала бы другой. Больше похожей на саму себя. Или меньше. Она затруднялась сказать, потому что уже и не знала, какая она, настоящая. Может, и вовсе не существовало никакой Джул, а был лишь набор масок, в которых она появлялась в разных условиях и обстоятельствах.

Интересно, все люди такие? Лишившиеся своего собственного я?

Или только Джул?

Она не знала, может ли полюбить свое искореженное, странное сердце. Она бы хотела, чтобы кто-нибудь другой сделал это за нее, увидел, как бьется оно в клетке из ребер, и сказал: *Я вижу твою истинную сущность. Вот она, необычная, но достойная. Я люблю тебя.*

Как тяжело и глупо чувствовать себя исковерканной и странной, утратить свою сущность и возможность быть собой, когда впереди еще целая жизнь. Джул обладала множеством редких талантов. Она упорно трудилась, и ей действительно было что предложить миру. Это правда.

Так почему же она ощущала себя никчемной?

Ей очень хотелось позвонить Имоджен. Хотелось услышать хриловатый смех Имми и ее сложно построенные фразы, сочившиеся секретами. Она бы сказала Имоджен: *«Я боюсь»*. А Имми сказала бы в ответ: *«Но ты же храбрая, Джул. Ты самая храбрая из всех, кого я знаю»*.

Ей очень хотелось, чтобы подошел Паоло и обнял ее, повторив то, что сказал однажды: *«Ты – классная, бесподобная»*.

Она хотела, чтобы рядом оказался тот, кто любит ее бескорыстно, кто простит ей что угодно. Или еще лучше – тот, кто все уже знает о ней и любит ее именно такой.

Но ни Паоло, ни Имми не способны на это.

И все равно Джул помнила ощущение губ Паоло на своих губах и жасминовый аромат духов Имми.

В черном парике Джул спустилась в бизнес-офис гостиницы. Она уже продумала дальнейшую стратегию. В столь поздний час офис оказался закрыт, но за щедрые чаевые портье открыл его. Устроившись за компьютером, она заказала билет на самолет из Сан-Хосе-дель-Кабо в Лос-Анджелес на следующее утро. Заказ она сделала на собственное имя и оплатила его обычной кредитной картой, которой пользовалась в отеле «Плайя Гранде».

Потом она спросила у портье, где можно купить автомобиль за наличные. Тот сказал, что есть один ушлый дилер, который утром мог бы продать ей тачку за американские доллары. Он записал адрес – улица Ортис – и добавил, что это в пригороде Эхидо.

Ноа отслеживала кредитные карты. Наверняка. Иначе она бы никогда не нашла Джул. Теперь детектив, увидев новое списание средств, отправилась бы в Лос-Анджелес. А тем временем Джул на купленном за наличные автомобиле подалась бы в сторону Канкуна¹². Из Канкуна она бы добралась до острова Кулебра в Пуэрто-Рико, куда стекались толпы американцев, которые никогда и никому не предъявляли свои паспорта.

Она поблагодарила портье за информацию об автодилере.

– Вы ведь забудете о нашем разговоре, не так ли? – сказала она, протягивая ему через прилавок еще одну двадцатку.

– Могу и забыть, – сказал он.

– Непременно забудете. – Она добавила еще пятьдесят долларов.

¹² Канкун – крупный курортный город в Мексике.

– Я вас никогда не видел, – кивнул он.

Спала она плохо. Даже хуже, чем обычно. Во сне девушка тонула в теплой бирюзовой воде; бездомные кошки разгуливали по ее телу; змея обвивалась вокруг ее шеи и душила. Джул проснулась от собственного крика.

Она выпила воды. Приняла холодный душ.

Заснула и снова проснулась от крика.

В пять утра она поплелась в ванную, плеснула в лицо холодной воды и подвела глаза. Почему бы и нет? Она любила макияж. Да и время позволяло. Она выровняла кожу лица толстым слоем тонального крема и пудры, положила на веки дымчатые тени, накрасила ресницы черной тушью, а губы – почти черной помадой, поверх которой нанесла блеск.

Затем втерла в волосы гель и оделась. Черные джинсы, все те же ботинки, темная футболка. Одежда, совсем не подходящая для мексиканской жары, зато практичная. Она упаковала чемодан, выпила бутылку воды и вышла из номера.

Ноа сидела в коридоре, прислонившись спиной к стене, с чашкой дымящегося кофе в руках.

Ждала.

17

Конец апреля 2017 года

Лондон, Англия

Семью неделями ранее, в конце апреля, Джул проснулась в хостеле на окраине Лондона. В комнате умещалось восемь коек: тонкие матрасы, обтянутые казенными белыми простынями. Сверху спальные мешки. Вдоль стен выстроились рюкзаки. В воздухе витали слабые запахи тел и пачулей.

Она спала прямо в спортивной одежде. Вскочив с кровати, зашнуровала ботинки и пробежала почти тринадцать километров через весь пригород, мимо пабов и мясных лавок с наглухо закрытыми в столь ранний час ставнями. Вернувшись с пробежки, девушка продолжила тренировку в общей комнате отдыха, выполнив привычный курс упражнений: прямые и боковые планки, выпады ногами, отжимания и приседания.

Джул проскочила в душ, пока не проснулись ее соседки и не вылили на себя всю горячую воду. Потом она забралась обратно на верхнюю полку двухъярусной кровати и развернула шоколадный протеиновый батончик.

В комнате еще царил полумрак. Она раскрыла книгу «Наш общий друг» и стала читать при свете фонарика сотового телефона. Толстый викторианский роман Чарльза Диккенса о сиротской доле ей подарила Имоджен.

Джул считала Имоджен Соколофф своей лучшей подругой. Имми любила книги о брошенных детях, потому что и сама была сиротой. Она родилась в Миннесоте. Мама-подросток, давшая ей жизнь, умерла, когда Имми исполнилось два года. Девочку удочерила семейная пара, которая жила в пентхаусе в Нью-Йорке, в Верхнем Ист-Сайде.

Пэтти и Гилу Соколофф в то время было под сорок. Они не могли иметь детей, а в рамках своей адвокатской деятельности Гил уже несколько в качестве волонтера занимался защитой прав детей в системе опеки. Он всегда выступал за открытое усыновление. И вот, после нескольких лет ожидания новорожденного малыша, Пэтти и Гил решили взять ребенка постарше.

Они просто влюбились в пухлые ручки и веснушчатый носик двухлетней девчушки, забрали к себе, назвали Имоджен, а ее прошлое имя осталось только в картотеке. Ее фотографировали и тискали. Пэтти готовила ей горячие макароны со сливочным маслом и сыром. Когда маленькой Имми исполнилось пять, ее отправили в Гринбрайар, частную школу на Манхэттене. Там она носила бело-зеленую форму и училась говорить по-французски. По выходным маленькая Имми играла в «Лего», пекла домашнее печенье и ходила в Американский музей естественной истории, где ей особенно полюбились скелеты рептилий. Она отмечала все еврейские праздники и, когда подросла, прошла нетрадиционную церемонию бат-мицва¹³ в лесах на севере штата.

С этим все оказалось не так-то просто. Мать Пэтти и родители Гиля не считали Имоджен еврейкой из-за ее биологической матери. Они настаивали на формальном процессе религиозного обращения, что позволило бы отложить церемонию на год, но в знак протеста Пэтти покинула синагогу, куда всегда ходила ее семья, и присоединилась к светской еврейской общине, которая проводила церемонии в уединенном местечке в горах.

Так случилось, что в возрасте тринадцати лет Имоджен Соколофф острее, чем когда-либо, осознала свой статус сироты и увлеклась чтением историй, созвучных ее судьбе. Начала она с книг об осиротевших детях, которые были частью школьной программы. Таких было немало.

– Мне понравились наряды, пудинги и конные экипажи, – признавалась она Джул.

Июнь прошлого года они вместе провели в доме, который семья Имми арендовала на острове Маргас-Винъярд¹⁴. В тот день они подъехали к фермерскому ларьку, где покупатели могли сами составить себе букет.

– Я залпом проглотила «Хайди»¹⁵ и начиталась еще бог какого старья, – сказала Имми. Она склонилась над кустом георгинов с ножницами в руках. – Но в какой-то момент мне уже хотелось блевать от всех этих книг. Вечный оптимизм и восторги этих девиц просто достали. Прямо-таки воплощение самоотверженной женственности. Послушай только: «Я умираю от голода! Вот, съешь единственную оставшуюся плюшку!» «Я не могу ходить, я парализована, но все равно вижу светлую сторону жизни, и я счастлива, счастлива!». Я тебе так скажу: «Маленькая принцесса»¹⁶ и «Поллианна»¹⁷ впаривают нам кучу мерзкой лжи. Как только до меня это дошло, я поняла, что пора с ними завязывать.

Выбрав букет, Имми вышла из цветника и забралась на деревянную ограду. Джул все еще возилась в клумбах.

– В старших классах я прочитала «Джейн Эйр», «Ярмарку тщеславия», «Большие надежды»¹⁸ и тому подобное, – продолжала Имми. – Там уже, я бы сказала, описывались амбициозные сироты.

– Это же книги, которые ты мне давала, – вспомнила Джул.

– Да. Скажем, в «Ярмарке тщеславия» Бекки Шарп – бездушная, расчетливая машина. Она ни перед чем не остановится. Джейн Эйр бьется в истерику и постоянно чем-то недовольна. Пип из «Больших надежд» все время все путает и стремится разбогатеть. Все они хотят лучшей жизни, гонятся за ней, но их нравственность вызывает вопрос. Вот чем они интересны.

¹³ Бат-мицва – термин, применяющийся в иудаизме для описания достижения религиозного совершеннолетия (12 лет и 1 день для девочек и 13 лет и 1 день для мальчиков), после чего дети принимают на себя ответственность за свои поступки.

¹⁴ Martha's Vineyard (англ.) – остров в 6 км от мыса Кейп-Код на юго-востоке штата Массачусетс.

¹⁵ Повесть швейцарской писательницы Иоханны Спири (1880) о событиях в жизни маленькой девочки, живущей на попечении своего деда в Швейцарских Альпах.

¹⁶ Роман для детей английской писательницы Фрэнсис Элизы Бёрнетт.

¹⁷ Роман американской писательницы Элинора Портер.

¹⁸ Романы Шарлотты Бронте, Уильяма Теккерея и Чарльза Диккенса.

– Мне они уже нравятся, – сказала Джул.

Имми поступила в колледж Вассара¹⁹, куда ее приняли по результатам блестящего эссе о тех самых персонажах. Она сама признавалась, что учиться не очень-то и хочет. Потому что терпеть не может, когда ей что-то навязывают. Если профессора задавали читать древних греков, она этого не делала. Точно так же, как отказывалась читать Сьюзен Коллинз²⁰ по совету своей подруги Брук. И когда мать сказала, что учиться надо усерднее, Имми вообще бросила колледж.

Конечно, Имми оставила Вассар не только потому, что на нее давили. Все оказалось гораздо сложнее и запутаннее. Но свойственное Пэтти Соколофф желание контролировать все и вся, безусловно, сыграло свою роль.

– Моя мать верит в американскую мечту, – заявила Имоджен. – И хочет, чтобы я тоже верила. Ее старики родом из Беларуси. Они полностью купились на эту ерунду. Мол, здесь, в США, любой может достигнуть небывалых вершин. Неважно, с чего ты начал, но в один прекрасный день ты сможешь управлять страной, разбогатеть, обзавестись собственным особняком. Верно?

Этот разговор состоялся тем летом, на Мартас-Винъярде. Джул и Имми загорали на пляже Мошاپ, расположившись на большой хлопковой подстилке.

– Красивая мечта, – сказала Джул, закидывая в рот картофельные чипсы.

– Семья моего отца тоже на нее повелась, – продолжила Имми. – Его бабка с дедом приехали из Польши и поначалу жили в многоквартирном доме. Потом его отец сколотил небольшое состояние и приобрел магазин деликатесов²¹. Мой отец должен был подняться еще выше, первым в семье поступить в колледж, что он и сделал. Стал известным адвокатом. Родители безмерно им гордились. Для них все умещалось в простую схему: оставь позади бывшую родину и открой для себя новую жизнь. И если *ты* не сможешь осуществить американскую мечту, за тебя это сделают твои дети.

Джул любила слушать Имми. Она никогда не встречала кого-либо, кто бы говорил так свободно. Монологи Имми казались сбивчивыми и бессвязными, но вместе с тем в них слышались любопытные и глубокие мысли. Она даже не задумывалась, что может наговорить лишнего, как и не старалась оттачивать фразы. Просто выплескивала все, что хотела, как человек, который сам задается вопросами и отчаянно хочет, чтобы его выслушали.

– Земля возможностей, – сказала Джул, просто чтобы посмотреть, в какую сторону вырулит Имми в своем спиче.

– Это то, во что они верят, но я не думаю, что так оно и есть на самом деле, – ответила Имми. – Скажем, достаточно минут тридцать посмотреть местные новости, чтобы убедиться в том, насколько больше возможностей существует для белых. И для тех, кто говорит по-английски.

– И для тех, кто говорит с таким акцентом, как у тебя.

– Ты имеешь в виду, с акцентом Восточного побережья? – уточнила Имми. – Да, думаю, да. И еще для физически здоровых, не инвалидов. О, и, конечно же, для мужчин! Мужчины, мужчины, мужчины! Мужчины по-прежнему расхаживают по Соединенным Штатам, как по огромной кондитерской, где все торты предназначены только им. Тебе так не кажется?

¹⁹ Престижный частный гуманитарный колледж высшей ступени в г. Покипси, штат Нью-Йорк.

²⁰ Американская писательница, автор многочисленных сценариев к детским телепрограммам и мультфильмам, рассказов для детей, а также известная как создательница двух популярных книжных серий для молодежи: «Хроники Подземья» и «Голодные игры».

²¹ Гастрономический магазин, торгующий готовыми продуктами или полуфабрикатами, в том числе салатами и сэндвичами. Своим появлением на американской земле обязан нью-йоркским евреям, выходцам из России, которые в 1890-е называли его «магазин закусок».

– Я не позволяю им раскатывать губы на мой торт, – ответила Джул. – Черт возьми, это мой торт, и я съем его сама.

– Да. Ты бьешься за свой кусок пирога, – сказала Имми. – И получаешь шоколадный торт с шоколадной глазурью из пяти коржей. Но для меня главное не это – можешь называть меня глупой, но я не хочу никаких тортов. Я, может, вообще не голодна. Я просто пытаюсь *быть* собой. Существовать и наслаждаться тем, что меня окружает. Я знаю, что это роскошь, и мне, наверное, чертовски повезло обладать такой роскошью, но я пытаюсь ценить это, люди! Позвольте мне просто быть благодарной за то, что я здесь, валяюсь на этом пляже и не чувствую, что должна постоянно куда-то *стремиться*.

– Я думаю, что ты ошибаешься насчет американской мечты, – возразила Джул.

– Нет, не ошибаюсь. Почему ты так решила?

– Американская мечта требует действий, героических усилий.

– Ты серьезно?

– Американцы любят воевать, – сказала Джул. – Мы хотим менять законы или нарушать их. Нам нравятся вигиланты²². Мы без ума от них, верно? От всех этих супергероев, фильмов вроде «Заложницы»²³ и прочих авантюр. Мы все готовы ринуться на запад и оттяпать землю у тех, кому она принадлежала раньше. Линчевать так называемых плохих парней и бороться с системой. Вот что такое американская мечта.

– Скажи это моей маме, – фыркнула Имми. – *«Здравствуйте! Имми хочет вырасти и стать мстителем, а не промышленным магнатом»*. Посмотрим, что из этого получится.

– Я поговорю с ней.

– Хорошо. Это очень поможет. – Имми усмехнулась и, перекатившись на пляжном одеяле, сняла солнцезащитные очки. – У нее совершенно бредовые идеи насчет меня. Скажем, в детстве мне совсем не помешало бы иметь парочку друзей – таких же приемных, чтобы я не чувствовала себя одинокой или какой-то ущербной, ну и все в таком роде, но тогда мама стояла на своем: *Имми в порядке, она в этом не нуждается, мы такие же, как все другие семьи!* Потом, пятьсот лет спустя, когда я уже училась в девятом классе, она прочитала статью в журнале про усыновленных детей и решила, что мне нужно подружиться с той девчонкой, Джоли, которая недавно поступила в Гринбрайар.

Джул вспомнила ее – она видела эту девушку из Американского театра балета на празднике по случаю дня рождения Имми.

– Моя мама мечтала, что мы станем близкими подругами, и я честно пыталась, но та девчонка явно меня *невзлюбила*, – продолжала Имми. – У нее были голубые волосы. Круче, чем у тебя. Она дразнила меня за любовь к бездомным кошкам и чтение «Хайди», высмеивала музыку, которая мне нравилась. Но *моя* мама упорно звонила *ее* маме, а та звонила *моей*, и они строили планы для нас обеих. Короче, придумали себе всю эту хрень насчет нашей сиротской связи, которой никогда не существовало. – Имоджен вздохнула. – Грустные воспоминания. Но потом они переехали в Чикаго, и моя мама успокоилась.

– Теперь у тебя есть я, – сказала Джул.

Имми протянула руку и коснулась затылка Джул.

– Теперь у меня есть ты, и с тобой моя психика явно улучшилась.

– Здоровая психика – это хорошо.

Имми открыла сумку-холодильник и достала две бутылки домашнего холодного чая. Она всегда приносила на пляж напитки. Джул не нравилось, что в чае плавают ломтики лимона, но все равно сделала несколько глотков.

²² Члены «комитета бдительности» (неофициально созданной организации по борьбе с преступностью несанкционированными методами).

²³ Taken (англ.) – остросюжетный боевик режиссера Пьера Мореля.

– Тебе идет короткая стрижка, – заметила Имми, снова коснувшись затылка Джул.

Приехав домой на зимние каникулы после первого семестра в Вассаре, Имоджен кинулась рыться в картотеке Гила в поисках документов об удочерении. Найти их оказалось нетрудно.

– Мне казалось, что эти бумаги помогут мне получить некоторое представление о моей личности, – сказала она. – Словно знание имен и обстоятельств объяснит, почему я была так несчастна в колледже, или вернет мне ощущение корней, чего у меня никогда не было. Но нет, чуда не произошло.

В тот день Имми и Джул приехали в Менемшу, рыбацкую деревушку неподалеку от дома Имми на Мартас-Винъярде. Они вышли на каменный пирс, который простирался далеко в море. Чайки кружили над головой. Море плескалось у самых ног. В этом году они сравнялись в росте. Имми и Джул сидели на камнях, и их тела, намазанные солнцезащитным кремом, блестели на солнце.

– Короче, полный облом, – сказала Имоджен. – Об отце вообще ни слова.

– А какое имя тебе дали при рождении?

Имми покраснела и набросила на лицо капюшон, скрывая обесцвеченные, стриженные под пикси²⁴ волосы, тонкие линии выщипанных бровей, глубокие ямочки на щеках и ровные зубы. Одно из маленьких ушек украшал тройной пирсинг.

– Я не хочу говорить, – донесся из-под капюшона ее голос. – Считай, что я в домике.

– Да ладно. Ты же сама начала.

– Ты будешь смеяться, если я скажу. – Имми подняла капюшон и посмотрела на Джул. – Форрест смеялся, и это меня взбесило. Я не могла его простить целых два дня, пока он не принес мне конфет с лимонным кремом.

Форрест, бойфренд Имми, жил вместе с ними в доме на острове Мартас-Винъярд.

– Форресту нелишне поучиться хорошим манерам, – заметила Джул.

– Да он даже не подумал. Просто разразился хохотом. Потом, правда, искренне раскаивался. – Имми всегда защищала Форреста после того, как сама же на него нападала.

– Пожалуйста, скажи, какое имя тебе дали при рождении, – не отставала Джул. – Я не буду смеяться.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Имми прошептала ей на ухо:

– Мелоди, а еще Бэйкон. Мелоди Бэйкон.

– А второе имя было? – спросила Джул.

– Не-а.

Джул не засмеялась и даже не улыбнулась. Она обняла Имми обеими руками, и девушки уставились на море.

– А ты *ощущаешь* себя Мелоди?

– Нет. – Имми задумалась. – Но Имоджен я себя тоже не чувствую.

Они смотрели, как пара чаек только что устроилась на камне рядом с ними.

– Отчего умерла твоя мама? – спросила Джул после долгой паузы. – Этого нет в документах?

– Я еще раньше догадывалась о причинах ее смерти, и мои подозрения подтвердились. Передозировка метом²⁵.

²⁴ Короткая мальчишеская стрижка, название происходит от староанглийского слова «*príxiē*», обозначавшего в кельтской мифологии фею или эльфа. Ее отличительные особенности – короткие пряди спереди изади и удлиненные на макушке.

²⁵ Наркотический препарат.

Джул попыталась это осмыслить. Она представила себе, как ее подруга, еще совсем малышка, в мокром подгузнике ползет по грязному одеялу, под которым лежит ее мать, обколотая и безучастная. А может, уже и мертвая.

– У меня две отметины на правом предплечье, – продолжила Имми. – Я помню их с тех пор, как переехала жить в Нью-Йорк. Насколько я знаю, они были всегда. Я никогда и не думала спрашивать, но медсестра в Вассаре сказала мне, что это следы ожогов. Как от сигареты.

Джул не знала, что сказать. Она бы очень хотела помочь малышке Имми, но Пэтти и Гил Соколофф уже сделали это, очень давно.

– Мои родители тоже умерли, – выпалила она вдруг. Впервые она произнесла это вслух, хотя Имми уже знала, что ее воспитывала родная тетя.

– Я так и поняла, – сказала Имми. – Как и то, что ты не хочешь об этом говорить.

– Не хочу, – ответила Джул. – Во всяком случае, пока. – Она наклонилась вперед, отстраняясь от Имоджен. – Я еще не придумала, как рассказывать эту историю. Она как-то... – Слова подвели ее. Она не умела говорить так легко и свободно, как Имми, чтобы выразить саму себя. – Короче, история не складывается. – Тут девушка не лукавила. В то время Джул еще только начинала сочинять сказку о своем происхождении, которую собиралась использовать в будущем, а пока предпочитала не распространяться на эту тему.

– Все в порядке, – успокоила ее Имоджен.

Она полезла в свой рюкзак и достала толстый батончик молочного шоколада. Развернула обертку и отломала кусочек для Джул и кусочек для себя. Джул прижалась спиной к скале и расслабилась, ощущая, как тает во рту шоколад, а солнце греет лицо. Имми шикнула на чаек-попрошаек, прогоняя прочь назойливых птиц.

Джул тогда казалось, что она очень хорошо знает Имоджен. Между ними не было неясностей, и казалось, что так будет всегда.

Джул отложила в сторону роман «Наш общий друг». История начиналась с того, что в Темзе обнаружили тело утопленника. Ей не нравилось читать о таких вещах, и особенно корбило описание разбухшего в воде трупа. Для Джул дни как будто стали длиннее, с тех пор как до нее дошло известие о том, что Имоджен Соколофф покончила с собой в той самой реке, набив карманы камнями и спрыгнув с Вестминстерского моста, оставив в хлебнице предсмертную записку.

Джул думала об Имми каждый день. Каждый час. Вспоминала, как Имми, когда смущалась, закрывала лицо руками или капюшоном. Слышала ее высокий, сбивчивый голос. У Имоджен была привычка крутить кольца на пальцах. У нее остались два сигаретных ожога на предплечье и шрам на кисти руки от горячей сковороды, когда она пекла шоколадное печенье со сливочным сыром. Она быстро и ловко рубила лук массивным кухонным ножом, освоив этот навык на кулинарных видеоуроках. От нее пахло жасмином, а иногда – сладким кофе со сливками. Она сбрызгивала волосы лимонным спреем.

Имоджен Соколофф относилась к тому типу девушек, которые, по словам учителей, не в полной мере раскрывают свой потенциал. Она плевала на учебу, но между тем ее любимые книги пестрели закладками с заметками. Имми не стремилась ни к славе, ни к успеху, как его понимают другие. Она отчаянно пыталась вырваться из-под влияния мужчин, которые хотели доминировать над ней, и женщин, которые требовали ее исключительного внимания. Она упорно отказывалась дарить кому-либо свою преданность, предпочитая строить собственную жизнь по своему разумению и быть ее полновластной хозяйкой. Она принимала от родителей деньги, но протестовала против контроля над своей личностью, а преимущества, которое давало ей ее положение, использовала для того, чтобы переделать себя, найти иной способ существования. Это мужество особого рода, его часто принимают за эгоизм или

лень. Многие видели в ней всего лишь блондинку из элитной школы, но глубоко ошибались, ограничиваясь столь поверхностным суждением.

Когда хостел проснулся и туристы потянулись в ванную комнату, Джул вышла на улицу. Она потратила день, как это часто бывало, на самосовершенствование. Пару часов бродила по залам Британского музея, изучая названия картин и потягивая диетическую колу из маленьких бутылочек. Целый час простояла в книжном магазине, запоминая карту Мексики, а потом выучила наизусть главу из книги «Управление капиталом: восемь основных принципов».

Она хотела позвонить Паоло, но не могла.

Она не собиралась отвечать на телефонные звонки, за исключением одного, которого ждала.

Телефон зазвонил, когда Джул выходила из подземки у самого хостела. Звонила Пэтти Соколофф. Джул увидела высветившийся номер и ответила голосом со среднеамериканским акцентом.

Как выяснилось, Пэтти была в Лондоне.

Джул этого не ожидала.

Не согласится ли Джул пообедать с ней завтра в «Плюше»²⁶?

Конечно. Джул не скрывала своего удивления, разговаривая с Пэтти. Они перезванивались несколько раз, сразу после смерти Имми, когда Джул общалась с полицейскими и занималась отправкой вещей из лондонской квартиры Имми, а Пэтти ухаживала за Гилом в Нью-Йорке, но все эти тяжелые разговоры остались в прошлом, оборвавшись несколько недель назад.

Пэтти всегда была деловитой и многословной, но сегодня ее голос звучал глухо и в нем не было привычной оживленности.

– Я должна сказать тебе, – произнесла она, – что Гила больше нет.

Страшная новость потрясла Джул. Перед глазами встало опухшее серое лицо Гила Соколофф и потом его смешные собачки, которых мужчина обожал. Девушке он очень нравился. Она не знала, что он тоже скончался.

Пэтти объяснила, что Гил умер две недели назад от сердечной недостаточности. Все эти годы диализа почек не прошли бесследно, вот сердце и не выдержало. А может, как сказала Пэтти, после самоубийства Имми он больше не захотел жить.

Они еще поговорили о болезни Гила, о том, каким он был замечательным, вспомнили Имми. Пэтти сказала, что Джул очень помогла им, улаживая дела в Лондоне, когда они не могли уехать из Нью-Йорка.

– Знаю, это покажется странным, что я путешествую, – добавила Пэтти, – но после того, как я столько лет ухаживала за Гилом, мне просто невыносимо оставаться одной в квартире. Здесь все напоминает о нем, об Имми. Я собиралась... – Ее голос сорвался, и, когда женщина заговорила снова, он зазвучал вымученно бодро. – Как бы то ни было, моя подруга Ребекка живет в Гемпшире²⁷, и она предложила мне пожить у нее в гостевом домике, отдохнуть и подлечиться. Она уговорила меня приехать. С некоторыми друзьями так бывает. Мы сто лет не общались с Ребеккой, но, как только она позвонила – услышав об Имми и Гиле, – мы сразу же нашли общий язык. Никакого светского трепса. Все предельно честно и откровенно. Когда-то мы вместе учились в Гринбрайаре. Думаю, школьных друзей связы-

²⁶ The Ivy (англ.) – легендарный ресторан в Лондоне, в районе Ковент Гарден.

²⁷ Графство Англии.

вают все эти воспоминания, общие истории. Взять хотя бы вас с Имми. Вы так удачно воссоединились после разлуки.

– Мне очень, очень жаль Гила, – сказала Джул. И она говорила совершенно искренне.

– Он болел целую вечность. Принимал столько таблеток. – Пэтти помолчала, и, когда продолжила, ее голос снова дрогнул от сдавленных рыданий. – Я думаю, после того, что случилось с Имми, у него просто не осталось сил бороться за жизнь. Он и Имми, дороже их у меня никого не было. – Она словно снова заставила себя встряхнуться. – Так вот, возвращаясь к моему предложению. Ты же примешь мое приглашение?

– Я же сказала, что приду. Конечно.

– Тогда жду тебя в «Плюще» завтра, в час дня. Я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделала для меня и для Гила после смерти Имми. И я даже приготовила для тебя сюрприз, – сказала Пэтти. – То, что может по-настоящему взбодрить нас обеих. Так что не опаздывай.

После того, как они попрощались, Джул еще долго прижимала телефон к груди.

Ресторан «Плющ» идеально вписывался в тесный уголок Лондона. Казалось, домик был специально скроен для этого крохотного клочка земли. Внутри по стенам были развешаны портреты, витражные окна отбрасывали цветные блики. Все здесь пахло большими деньгами: и жареный ягненок, и оранжерейные цветы. Джул нарядилась в приталенное платье и балетки и добавила красную у помаду к студенческому макияжу.

Пэтти уже ждала ее за столиком, потягивая воду из винного бокала. Когда Джул видела ее последний раз, одиннадцать месяцев назад, мать Имми производила впечатление гламурной дамы. Дерматолог по профессии, лет пятидесяти пяти, подтянутая и стройная, если не считать соответствующему возрасту животику. Ее упругая кожа имела красивый розоватый оттенок, длинные волосы, окрашенные в темно-каштановый цвет, свободно ниспадали завитыми локонами. Теперь волосы, седые у корней, были сострижены в короткое каре. Губы, слегка припухшие, похоже, давно не знали помады. В ее одежде – узких черных брюках и длинном кашемировом кардигане – угадывался стиль Верхнего Ист-Сайда²⁸, но вместо привычных туфель на шпильке на ногах были ярко-голубые кроссовки. Джул с трудом узнала ее. И пока Джул шла к ней через зал, Патти поднялась девушке навстречу, приветствуя ее улыбкой.

– Я выгляжу по-другому, знаю.

– Нет, что вы, – соврала Джул. Она поцеловала Пэтти в щеку.

– Больше не могу этим заниматься, – призналась Пэтти. – Все утро перед зеркалом, неудобная обувь. Тонны косметики на лице.

Джул села за столик.

– Когда-то я все это делала для Гила, – продолжала Пэтти. – И для Имми, когда она была маленькой. Она просила: «Мамочка, завей волосы! Нанеси блески!» Теперь все это ни к чему. На работе я то и дело беру дни за свой счет. Однажды подумала: мне на все наплевать. Вышла из дома и бесцельно слонялась по городу, и это было такое облегчение, что не передать словами. Но я знаю, что многих это беспокоит. Особенно моих друзей. А я думаю, что мне все равно. Я потеряла Имоджен. Я потеряла Гила. Теперь я такая, какая есть.

Джул очень хотелось сказать какие-то правильные слова, но она не знала, что сейчас нужно Пэтти – сочувствие или отвлекающий фактор.

– Я читала об этом книгу в колледже, – сказала она.

– О чем?

²⁸ Квартал в Манхэттене. Его границами являются Пятьдесят девятая и Девяносто шестая улицы, а также Центральный парк и Ист-Ривер.

– О самовыражении в повседневной жизни. Этот Гоффман высказывает идею, что в разных ситуациях мы выражаем себя по-разному. Личность не статична. Мы постоянно адаптируемся.

– Ты имеешь в виду, что я перестала играть некую роль?

– Или теперь делаете это иначе. Есть разные версии самовыражения.

Пэтти взяла меню, а потом подалась вперед и тронула Джул за руку.

– Тебе нужно вернуться в колледж, дорогая. Ты такая умница.

– Спасибо.

Пэтти посмотрела ей в глаза.

– Знаешь, я очень хорошо чувствую людей, – сказала она, – и у тебя огромный потенциал. Ты жадная до знаний и приключений. Я надеюсь, ты и сама знаешь, что можешь стать кем угодно в этом мире.

Подошел официант и принял заказ на напитки. Кто-то поставил на столик корзинку с хлебом.

– Я принесла вам кольца Имоджен, – сказала Джул, когда их оставили в покое. – Мне бы следовало еще раньше отправить их по почте, но я...

– Понимаю, – сказала Пэтти. – Было тяжело расстаться с ними.

Джул кивнула и протянула женщине пакетик из папиросной бумаги. Пэтти сдернула клейкую ленту. Внутри лежали восемь антикварных колец, все резные или в форме зверушек. Имми их коллекционировала. Они были забавные и необычные, искусно выполненные в разных стилях. Девятое кольцо до сих пор носила Джул. Ей подарила его сама Имми. Нефритовая змейка обвивала безымянный палец ее правой руки.

Уткнувшись в салфетку, Пэтти тихо заплакала.

Джул посмотрела на лежавшие перед ней украшения. Эти кольца, каждое в свое время, побывали на тонких пальцах Имми. Перед глазами возникло тронутое легким загаром личико Имми в том ювелирном магазине на Виньярде.

– Покажите мне самое необычное кольцо из тех, что есть в продаже, – попросила она хозяина. – Это тебе, – сказала она потом Джул и протянула подруге кольцо в виде змейки, которое теперь Джул носила не снимая, хотя и понимала, что больше не заслуживает его, а может, и вовсе никогда не заслуживала.

Джул почувствовала, как ком подкатил к горлу, поднявшись из самого нутра.

– Извините. – Она встала из-за стола и, пошатываясь, направилась в сторону дамской комнаты. Все вокруг поплыло, закружилось. Чернота заволакивала глаза. Она вцепилась в спинку пустого стула, чтобы не упасть.

Казалось, ее вот-вот стошнит. Или она грохнется в обморок. Или то и другое. Здесь, в этом элитном ресторане, среди небожителей, где ей совсем не место, да еще поставив в неловкое положение бедную, убитую горем мать своей подруги, которая, возможно, недодала той любви или, наоборот, любила слишком сильно.

Джул дошла до уборной и склонилась над раковиной.

Спазмы не уходили. Горло стягивало снова и снова.

Она закрылась в кабинке, прислонилась к стене. Плечи задрожали. Она стала вызывать рвоту, но ничего не вышло.

Джул оставалась в кабинке, пока не утихли рвотные позывы, сотрясаясь от дрожи и пытаясь отдышаться.

Вернувшись к умывальнику, она вытерла мокрое лицо бумажным полотенцем. Прижала к опухшим глазам пальцы, смоченные в холодной воде.

Тюбик красной помады лежал в кармане платья. Джул снова накрасила губы, словно это могло послужить броней, и пошла обратно к Пэтти.

Когда Джул вернулась, Пэтти уже взяла себя в руки и разговаривала с официантом.

– Мне свекольный салат, – сказала она ему, когда Джул села за столик. – А на горячее, думаю, рыбу-меч. Как она, хороша? Да, тогда рыбу.

Джул заказала гамбургер и зеленый салат.

Когда официант ушел, Пэтти попросила прощения.

– Извини. Я очень виновата. Ты в порядке?

– Конечно.

– Предупреждаю сразу, я могу снова заплакать. Возможно, даже на улице! Теперь это непредсказуемо. Я начинаю рыдать в самый неподходящий момент. – Кольца и бумажный пакетик уже исчезли со стола. – Послушай, Джул, – проговорила Пэтти. – Ты как-то говорила мне, что родители причинили тебе боль. Помнишь?

Джул не помнила. Она больше не думала о своих родителях, разве что вспоминала их сквозь призму своего героического происхождения, которое сама для себя сочинила. Точно так же она никогда не думала о своей тете.

В голове вдруг промелькнула картинка из далекого прошлого: ее родители во дворе милого домика в самом конце тупиковой улицы, в маленьком городке штата Алабама. Они лежат ничком в лужах черной крови, которую впитывает земля, под светом одинокого уличного фонаря. Матери выстрелом размозжили череп. Отец истек кровью от пулевых ранений в плечи.

Эта история ее успокаивала. И выглядела красивой. Родители проявили чудеса храбрости. Их девочке суждено вырасти высокообразованной и чрезвычайно сильной.

Но она знала, что это не та история, которой можно поделиться с Пэтти. Поэтому ограничилась уклончивым:

– Я такое говорила?

– Да, и я еще тогда подумала, что, может быть, тоже причинила Имоджен боль. Когда она была маленькой, мы с Гилом почти никогда не говорили о том, что ее удочерили. Ни с ней, ни друг с другом. Мне хотелось думать, что Имми – *мой* ребенок, понимаешь? Не чей-нибудь, а мой и Гила. И было трудно говорить об этом, потому что ее мать была наркоманкой, и не нашлось никого из родственников, кто взял бы малышку к себе. Я утешалась мыслью о том, что просто оберегаю ее от боли. И даже не догадывалась, что делаю ей больно, пока она... – У Пэтти дрогнул голос.

– Имоджен любила вас, – сказала Джул.

– Что-то привело ее в отчаяние. Но она не пришла ко мне.

– Ко мне тоже не пришла.

– Мне следовало воспитать ее так, чтобы она умела открываться людям, просить о помощи, если оказалась в беде.

– Имми рассказывала мне *все*, – возразила Джул. – Свои секреты, страхи и беспокойства. Как она хочет жить своей жизнью. Она назвала мне имя, которое ей дали при рождении. Мы обменивались одеждой и книгами. Честно говоря, я была очень близка с Имми до самой ее смерти, и, думаю, она была безумно счастлива, что у нее есть вы.

У Пэтти на глаза навернулись слезы, и она коснулась руки Джул.

– Ей повезло, что и ты была у нее. Я подумала об этом, еще когда она выбрала тебя в подруги в первый год учебы в Гринбрайаре. Я знаю, что она обожала тебя больше, чем кого-либо в своей жизни, Джул, потому что... Ладно. Есть еще одна причина, почему я хотела встретиться с тобой. Наш семейный адвокат сказал мне, что Имми завещала тебе свои деньги.

У Джул закружилась голова. Она отложила вилку.

Деньги Имми. Миллионы.

Они гарантировали безопасность и власть. Билеты на самолет и ключи от машин, но, что еще более важно, обучение в колледже, полноценное питание и медицинское обслуживание. С такими деньгами уже никто не смог бы сказать ей «нет». Больше никто не встал бы у нее на пути, не обидел. Джул уже никогда не нуждалась бы ни в чьей помощи.

– Я ничего не смыслю в финансах, – продолжала Пэтти. – Хотя и следовало бы. Но я доверяла Гилу и была рада, что он взял на себя решение всех вопросов. Меня это утомляет до чертиков. Но Имми хорошо разбиралась в таких делах и оставила завещание. Перед смертью она отправила его адвокату. Она получила много денег от отца и от меня, когда ей исполнилось восемнадцать. До этого все средства находились в доверительном управлении, а после ее дня рождения Гил оформил все документы, и деньги перешли к ней.

– Она получила деньги, когда еще училась в старшей школе?

– В мае, перед поступлением в колледж. Возможно, это была ошибка. В любом случае, дело сделано. – Пэтти продолжила: – Она здорово соображала в финансах. Жила на проценты и никогда не трогала основной капитал, разве что потратилась на покупку квартиры в Лондоне. Вот почему у нее не было необходимости работать. И по завещанию она все оставила тебе. Сделала небольшие пожертвования в Национальный почечный фонд – из-за болезни Гила – и в Лигу защиты животных Северного побережья, но основную часть денег завещала тебе. Она прислала адвокату письмо по электронной почте, в котором указала, что хочет помочь тебе вернуться в колледж.

Джул была растрогана. Все это в голове не укладывалось, но сердце сладко защемило.

Пэтти улыбнулась.

– Она покинула этот мир, возвращая тебя обратно в школу. Это светлая сторона, которую я пытаюсь увидеть.

– Когда Имми составила завещание?

– За несколько месяцев до смерти. Она заверила его у нотариуса в Сан-Франциско. Тебе осталось только подписать кое-какие бумаги. – Пэтти подтолкнула конверт через стол. – Деньги будут перечислены на твой счет, и в сентябре ты будешь учиться на втором курсе Стэнфорда.

Когда деньги поступили в ее банк, Джул сняла всю сумму сразу и открыла новый расчетный счет в другом отделении. Она завела несколько новых кредитных карт и подключила услугу автоматической оплаты счетов.

Потом она занялась шопингом. У девушки созрел план. Она купила накладные ресницы, тональный крем, подводку, румяна, пудру, кисти, три вида губной помады, две палетки теней для век и маленький, но дорогой несессер для косметики. А еще – рыжий парик, черное платье и пару туфель на шпильке. Конечно, было желание купить всего и побольше, но она знала, что должна путешествовать налегке.

Воспользовавшись компьютером, она купила авиабилет до Лос-Анджелеса, забронировала отель в этом городе и изучила рынок подержанных автомобилей в районе Лас-Вегаса. Из Лондона до Лос-Анджелеса, из Лос-Анджелеса автобусом до Вегаса. Из Вегаса на машине в Мексику. Таков был план.

Джул еще раз пролиставла документы на своем ноутбуке. Она убедилась в том, что запомнила телефонные номера банка и службы поддержки клиентов, пароли, номера кредитных карт и коды. Она заучила наизусть номера паспорта и водительских прав. И однажды ночью, после наступления полной темноты, выбросила ноутбук и сотовый телефон в Темзу.

Вернувшись в хостел, она написала Пэтти Соколофф искреннее письмо благодарности на старомодном листке почтовой бумаги и отослала его. Она освободила свой шкафчик и упаковала чемодан. Аккуратно сложила удостоверение и документы. Лосьоны и средства для волос в дорожных флаконах поместила в герметичные полиэтиленовые пакеты.

Джул впервые оказалась в Вегасе. Она переделалась в туалете на автобусной станции. Пространство вокруг умывальника оккупировала белая женщина лет за пятьдесят со старушечьей сумкой на колесиках. Она уселась прямо на столик, стоящий рядом с раковиной, и уминала сэндвич, завернутый в промасленную белую бумагу. Грязные черные леггинсы обтягивали ее узкие бедра. Светлые с проседью волосы, взбитые в высокий начес, выглядели отвратительно неухоженными. Туфли – бледно-розовые виниловые «стилетто»²⁹ – валялись на полу. Голые ступни, с пластырями на пятках, болтались в воздухе.

Джул прошла в самую просторную кабинку и порылась в чемодане. Впервые за долгое время, почти за год она надела серьги. Втиснулась в недавно купленное платье – короткое, черного цвета, – и кожаные туфли на «платформе» и высоком каблуке. Потом вытащила рыжий парик. Волосы казались неестественно гладкими, но цвет хорошо смотрелся с ее веснушками. Джул достала косметичку, закрыла сумку и направилась к умывальнику.

Женщина, устроившаяся на столике, не выказала никакого удивления по поводу нового цвета волос. Она скомкала бумагу из-под сэндвича и закурила.

Навыки макияжа Джул освоила благодаря видео-урокам. На протяжении последнего года она предпочитала макияж в стиле «девушка из колледжа»: натуральная кожа, румяна, прозрачный блеск для губ, тушь для ресниц. Теперь в ее арсенале появились накладные ресницы, зеленые тени, черная подводка, тональная основа, контурные кисти, карандаш для бровей, коралловый блеск для губ.

Собственно, особой необходимости в этом маскараде не было. Она вполне могла обойтись без косметики, маленького черного платья и туфель на каблуке. Хватило бы, наверное, одного парика. И все-таки в искусстве преображения следовало потренироваться – во всяком случае, так она думала. К тому же ей нравилось становиться кем-то еще.

Женщина заговорила, когда Джул накрасила глаза.

– Работаешь?

Джул ответила, просто для удовольствия изобразив шотландский акцент.

– Нет.

– Я имею в виду, продаешь себя?

– Нет.

– Не торгуй собой. Так душа болит за вас, девочки.

– Я не продаю себя.

– Это позор, вот и все, что я хочу сказать.

Джул затихла. И нанесла на скулы хайлайтер.

– Я сама этим занималась, – продолжала женщина. Она слезла со столика и кое-как впихнула скрюченные ступни в туфли. – Ни семьи, ни денег: так я начинала, и с тех пор ничего не изменилось. Но это не путь наверх, даже с самыми крутыми парнями. Запомни это.

Джул нацепила зеленый кардиган и подхватила сумку.

– Не беспокойтесь обо мне. Я в порядке, честное слово. – Волоча за собой чемодан, она направилась к двери, но слегка споткнулась в непривычной обуви.

– С тобой все в порядке? – спросила женщина.

– О, да.

– Порой так трудно быть женщиной.

– Ага, отстой, если бы не макияж – так вообще труба, – ответила Джул. Она толкнула дверь и вышла, не оглядываясь.

²⁹ Босоножки на высоких острых каблуках.

Оставив чемодан в камере хранения на автобусной станции, Джул перекинула через плечо объемную сумку и взяла такси до Лас-Вегас-Стрип³⁰. Она устала – ей так и не удалось поспать в автобусе, – и организм еще жил по лондонскому времени.

Казино полыхало неоновыми огнями, светом люстр и блеском игровых автоматов. Джул прошла мимо мужчин в спортивных костюмах, пенсионеров, девушек легкого поведения и большой группы библиотечарей с бейджиками участников конференции. Часа два она бродила по казино, но наконец нашла то, что искала.

Женская компания собралась у игровых автоматов «Бэтмен» и, похоже, весело проводила время. Все пили замороженные напитки, пурпурные и подтаявшие. Две женщины были похожи на американок азиатского происхождения, другие две – белыми. Похоже, они устраивали девичник, и невеста как нельзя лучше подходила для того, что задумала Джул. Бледнолицая и миниатюрная, с крепкими плечами и нежными веснушками, она выглядела не старше двадцати трех лет. Ее светло-каштановые волосы были стянуты в хвост, а ярко-розовое мини-платье украшала белая лента с выложенной стразами надписью: НЕВЕСТА. С левого плеча свисала бирюзовая сумочка с множеством молний. Она нависала над своими подругами, увлеченными игрой, подбадривала их и чувствовала себя абсолютно счастливой под восхищенными взглядами окружающих.

Джул подошла ближе и заговорила с южным акцентом, как говорят в равнинных штатах, например в Алабаме:

– Прошу прощения, у кого-нибудь из вас... понимаете, мой телефон разрядился, а мне нужно отправить сообщение подруге. В последний раз я видела ее возле суши-бара, но потом начала играть, и вот теперь – упс! Прошло три часа, а ее и след простыл.

Подружки невесты обернулись.

Джул улыбнулась.

– Ой, у вас девичник?

– Она выходит замуж в субботу! – воскликнула одна женщина, хватая невесту за руку.

– Ура! – отозвалась Джул. – Как тебя зовут?

– Шанна, – ответила невеста. Они были одного роста, но Шанна в балетках казалась чуть ниже Джул.

– Шанна Дикси скоро станет Шанной Макфетридж! – воскликнула другая подружка.

– Черт, повезло, – с завистью произнесла Джул. – А у тебя уже есть платье?

– Конечно, – сказала Шанна.

– Это будет не обычная свадьба в Вегасе, – объяснила ее собеседница, – а венчание в церкви.

– А вы откуда родом? – спросила Джул.

– Такома. Это в штате Вашингтон. Знаешь? Мы просто приехали в Вегас, чтобы...

– Они организовали выездной девичник на целый уик-энд, – похвасталась Шанна. – Мы прилетели сегодня утром, сразу отправились в спа-салон и на маникюр. Видишь? Я сделала гелевые ногти. Потом мы зависли в казино, а завтра собираемся посмотреть белых тигров.

– И какое у тебя платье? Свадебное, я имею в виду.

Шанна схватила Джул за предплечье.

– Умереть – не встать. Я себя чувствую в нем принцессой, настолько оно шикарное.

– Можно посмотреть? На твоём телефоне? Наверняка у тебя есть фотки. – Джул прикрыла рот рукой и слегка наклонила голову. – У меня пупок на свадебные платья, представляешь? Еще с самого детства.

³⁰ Главная туристическая улица Лас-Вегаса.

– Черт, конечно, у меня есть фотки, – оживилась Шанна. Она расстегнула молнию на сумочке и достала телефон в золотом корпусе. Подкладка у сумки оказалась розовой. Внутри лежали бумажник из темно-коричневой кожи, два тампона в целлофановом пакетики, пачка жвачки и губная помада.

– Дай посмотреть, – попросила Джул и встала за спиной у Шанны, чтобы заглянуть в телефон.

Шанна листала фотографии. Собака. Ржавое дно раковины. Ребенок. Опять тот же ребенок.

– Это мой сынок, Деклан. Ему полтора годика. – Какие-то деревья на берегу озера. – А, вот оно.

Платье – длинное, без бретелей – мягкими складками струилось по бедрам. На фотографии Шанна позировала в нем в свадебном салоне, в окружении других белых платьев.

Джул заохала и заахала.

– А можно посмотреть на твоего жениха?

– Конечно. Он едва не загубил предложение руки и сердца, – защebetала Шанна. – Положил кольцо в пончик. Он учится на юридическом факультете. Мне не придется работать, пока я сама этого не захочу. – Она продолжала тараторить. Потом подняла телефон повыше, чтобы показать счастливого, стоящего на горном склоне и улыбающегося в камеру.

– Безумно милый, – закивала Джул, скользнув рукой в сумочку Шанны. Она вытащила бумажник и незаметно сунула его в свою сумку. – Мой парень, Паоло, путешествует по миру на своих двоих, – продолжила она. – Сейчас он на Филиппинах. Можете поверить? Так что я в Вегасе с подружкой. Мне нужно найти парня, который хочет остепениться, а не бродить с рюкзаком по земле, верно? Если я хочу свадьбу.

– Если ты действительно этого хочешь, – сказала Шанна, – то наверняка и получишь. Всего можно добиться, если поставить перед собой цель. Ты молишься об этом и мысленно представляешь себе, как все получится.

– Визуализация, – подсказала одна из подружек. – Мы ходили на такой семинар. Это и впрямь работает.

– Послушайте, – сказала Джул. – На самом деле я подошла к вам в надежде воспользоваться чьим-нибудь телефоном. Мой сдох. Можно попросить твой мобильник?

Шанна протянула ей трубку, и Джул отправила сообщение на случайный номер: «Встречаемся в 10:15, «Фабрика чизкейков», после чего вернула телефон Шанне.

– Спасибо. Ты будешь самой красивой невестой.

– И тебе того же, дорогая, – сказала Шанна. – В ближайшем будущем.

Женщины помахали ей. Джул помахала в ответ и прошмыгнула между рядов игровых автоматов, направляясь к лифтам.

Как только двери лифта закрылись и она осталась одна, Джул сдернула парик. Потом скинула туфли, вытащила из сумки спортивные штаны и кеды, натянула штаны на короткое черное платье и сунула ноги в кеды. Парик и туфли перекивали в сумку. Потом Джул набросила толстовку с капюшоном на молнии, и двери лифта открылись на десятом этаже отеля.

Джул не вышла. Когда лифт тронулся вниз, она достала из сумки влажную салфетку и сняла накладные ресницы. Стерла с губ блеск. Потом открыла бумажник Шанны, вытащила водительское удостоверение, а сам бумажник уронила на пол.

К тому времени, как открылись двери лифта, она уже стала другим человеком.

Спустившись вниз по бульвару Стрип и оставив позади еще четыре казино, Джул заглянула в шесть ресторанов, пока не нашла место, где можно заказать чашечку кофе и поболтать с каким-нибудь одиноким студентом колледжа, который только что заступил на работу

в ночную смену. Заведение было оформлено под закусную пятидесятых годов двадцатого века. Официантка – миниатюрная веснушчатая женщина с мягкими каштановыми кудрями, одетая в платье в горошек и фартук домохозяйки. Когда в закусную ворвалась толпа пьяных парней с разговорами про пиво и гамбургеры, Джул оставила на прилавке деньги за еду и проскользнула на кухню. Она схватила с вешалки явно принадлежавший женщине рюкзак и вышла через черный ход к служебной лестнице казино. Спустившись вниз, девушка выбежала в переулок, закинула рюкзак на плечо и протиснулась сквозь очередь желающих посмотреть феерическое шоу.

Отойдя на приличное расстояние, Джул порылась в рюкзаке. В кармашке на молнии лежал паспорт на имя Аделаиды Белль Перри, двадцати одного года.

Вот это повезло. Джул думала, что ей придется порядком потрудиться, чтобы раздобыть паспорт. Впрочем, она искренне пожалела Перри и, забрав себе документ, оставила рюкзак в бюро находок.

Вернувшись на Стрип, Джул отыскала магазин париков и пару бутиков одежды. Она запаслась всем необходимым и к утру обошла еще два казино. В образе кудрявой блондинки с оранжевой помадой она стащила водительские права Дакоты Плезанс, рост 158 сантиметров. В черном парике и серебристой куртке, умыкнула паспорт Дороти фон Шнелль из Германии, рост 159 сантиметров.

К восьми утра Джул снова была в трениках и «вэнсах» и без следов косметики на лице. Она взяла такси до отеля «Рио» и на лифте поднялась на крышу. Когда-то она читала о лаунж-зоне «Вуду» на пятьдесят первом этаже.

Когда битва окончена, когда одержана очередная победа, легендарный киногерой забирается на самую высокую точку, откуда открывается великолепный вид на город. Железный человек, Человек-паук, Бэтмен, Росомаха, Джейсон Борн, Джеймс Бонд – все это делают. Герой созерцает страдание и красоту, сгустившиеся в мерцающих огнях мегаполиса. Он размышляет о своей особой миссии, своих уникальных талантах, о своей силе, странной и бурной жизни, о тех жертвах, которые он приносит ради того, чтобы так жить.

Ранним утром лаунж-зона «Вуду» являла собой не более чем просторную бетонную площадку, уставленную красными и черными диванами. Стулья своей формой напоминали гигантские руки. Над крышей вилась лестница. Сильные мира сего могли подняться по ней для лучшего обзора Лас-Вегаса. Высокие клетки, где обычно танцевали стриптизерши, сейчас пустовали, как и вся лаунж-зона, если не брать в расчет уборщика. Завидев Джул, он поднял брови.

– Просто хочу полюбоваться видом, – сказала она ему. – Я безобидна, клянусь.

– Конечно, – ответил он. – Проходите. Я уже заканчиваю.

Джул поднялась по лестнице и устремила взгляд на город. Она думала о жизни, что протекала внизу. Люди покупали зубную пасту, спорили и ссорились, по дороге домой с работы заходили в магазины за продуктами. Каждый жил своей жизнью, в окружении блеска и неоновых огней, пребывая в счастливой уверенности, что миниатюрные хорошенькие женщины совершенно безобидны.

Три года назад Джульетте Уэст Уильямс было пятнадцать. Однажды она зависала в галерее игровых автоматов – огромной, с кондиционерами, блистающей новизной, – и набирала очки на военном симуляторе. Увлеченная пальбой, она даже не заметила, как сзади к ней подошли двое мальчишек из ее школы, и очнулась, только когда они схватили ее за сиськи. С двух сторон.

Одному из них Джульетта заехала локтем в мягкий живот, потом развернулась и со всей силы наступила на ногу другому. После чего ударила его коленом в пах.

Она впервые дралась с кем-то за пределами класса боевых искусств. Впервые в этом возникла необходимость.

Ладно, допустим, никакой необходимости не было. Она просто захотела это сделать. И ей понравилось.

Когда тот парень согнулся пополам и закашлялся, Джул повернулась и ударила первого по лицу основанием ладони. Он запрокинул голову, и тогда девочка схватила его за ворот рубашки и прокричала в сальное ухо: «Я не твоя, чтобы ты меня лапал!»

Ей хотелось увидеть страх на лице мальчишки, увидеть, как его приятель рухнул на ближайшую скамейку. Эти двое всегда вели себя так самоуверенно в школе, как будто ничего не боялись.

Подскочил прыщавый служитель галереи и схватил Джульетту за руку.

– У нас запрещены драки, мисс. Боюсь, вам придется уйти.

– Ты хватаешь меня за руку? – взвилась она. – Не смей ко мне прикасаться.

Он тотчас отпустил ее.

Он испугался.

Он был на две головы выше ее и года на три старше. Вполне себе взрослый мужчина, и он ее испугался.

Как приятно.

Джульетта ушла из галереи. Ее не беспокоило, что мальчишки последуют за ней. Она чувствовала себя как в кино. Надо же, она и не догадывалась, что может постоять за себя, не думала, что тренировки в классе боевых искусств и спортзале окупятся с лихвой. Она поняла, что построила броню для себя. Возможно, к этому она и стремилась.

Внешне Джул как будто не изменилась, выглядела как все, но после того случая уже смотрела на мир по-другому. Физически сильная женщина – это круто. Можно идти куда угодно, делать что хочешь, если знаешь, что никому тебя не одолеть.

Несколькими этажами ниже, в коридоре отеля «Рио», Джул отыскала горничную с тележкой. Сорок долларов чаевых – и у нее появилась комната, где она могла выспаться до половины четвертого. В четыре начинался заезд постояльцев.

Восстановив силы после очередной ночи кражи кошельков, Джул созрела для покупки неприметной подержанной машины у неряшливого парня на автостоянке. Она заплатила наличными. Потом забрала свой багаж из камеры хранения на автобусной станции и надежно спрятала ворованные документы под войлочной обивкой багажника.

Границу Мексики она пересекала с паспортом Аделаиды Белль Перри.

16

Последняя неделя февраля 2017 года

Лондон

За два месяца до того, как Джул оказалась в Мексике, Форрест Смит-Мартин валялся у нее на диване и грыз морковку ровными блестящими зубами. Вот уже пятые сутки он проживал в ее лондонской квартире.

Форрест был бывшим парнем Имми. Он вечно вел себя так, будто не верил ни одному слову из того, что говорила Джул. Если она признавалась, что любит чернику, он поднимал брови, изображая сомнение. Если Джул говорила, что Имми упорхнула в Париж, он дотошно выпытывал, где именно она остановилась. Своим недоверием он вызывал у Джул такое чувство, будто она совершает что-то противозаконное.

Бледный и сублильный, Форрест принадлежал к категории мужчин-слабаков, которые чувствуют себя неуютно рядом с сильными женщинами. Его конечности болтались, как на шарнирах, а плетеный браслет на левом запястье выглядел грязным. Форрест окончил Йельский университет, где изучал мировую литературу. Ему хотелось, чтобы все знали сей факт его биографии, поэтому в разговорах слово «Йель» звучало довольно часто. Парень носил маленькие очки, отращивал бороду, хотя и безуспешно, а длинные волосы закручивал в мужской пучок на макушке. Ему было двадцать два года, и он работал над очередным романом.

Сейчас Форрест читал книгу в переводе с французского. Альбера Камю. Форрест произносил его фамилию как *Каму*. В толстовке и шортах-боксерах, он не сидел, а полулежал на диване.

Форрест поселился в этой квартире после смерти Имми, точнее *из-за* ее смерти. Он сказал, что хочет спать на раскладном диване в гостиной, где ему все напоминает об Имоджен. Джул не раз видела, как он достает из шкафа вещи Имми и нюхает их. Пару раз он развесил их за окном. Парень нашел старые книги Имоджен – ранние издания «Ярмарки тщеславия» и других викторианских романов – и сложил их в изголовье постели, как будто хотел смотреть на них, засыпая. А еще он никогда не опускал за собой сиденье унитаза.

Они с Джул, поскольку находились в Лондоне, взяли на себя все хлопоты, связанные со смертью Имми. Гил и Пэтти застряли в Нью-Йорке из-за тяжелой болезни Гила. Чете Сокоloff удалось добиться того, чтобы самоубийство их дочери не попало на страницы газет. Они заявили, что не хотят огласки, к тому же полиция даже не рассматривала версию злого умысла. Хотя тело Имми так и не обнаружили, никто не сомневался в том, что произошло самоубийство. Имми оставила в хлебнице предсмертную записку.

Все сошлись во мнении, что она, должно быть, страдала от депрессии. По словам полицейских, те, кто желает расстаться с жизнью, постоянно бросаются в Темзу. А если кто-то перед прыжком навешивает на себя груз, как планировала и Имоджен, о чем она написала в записке, никто не мог знать, сколько пройдет времени, прежде чем тело все-таки найдется.

Джул уселась рядом с Форрестом и включила телевизор. Шла какая-то ночная программа *BBC*. Цельный день они вдвоем разбирались на кухне Имми, упаковывали вещи, как просила Пэтти. Это был долгий и эмоционально тяжелый процесс.

– Вон та девушка похожа на Имми, – сказал Форрест, показывая на актрису, появившуюся на экране.

Джул покачала головой.

– Я так не думаю.

– Похожа, похожа, – сказал Форрест. – По мне, так очень даже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.